

УДК 327: 94(470+571)

Ю. М. Иванова, аспирантка кафедры международных отношений Одесского национального университета им. И. И. Мечникова, к. 70, Французский бул. 24/26, г. Одесса–58, 65058, Украина, тел. (380482) 687284, e-mail: cis_asc@paco.net

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ: ТЕОРИЯ И РЕАЛИИ

Статья посвящена внешней политике России, формированию ее основных концептуальных основ в контексте посткоммунистической трансформации. Автор указывает на необходимость более детального изучения и обобщения внешнеполитической мысли РФ. В статье предлагается классификация основных внешнеполитических идей в соответствии с хронологией.

Ключевые слова: внешнеполитическая мысль, трансформация, атлантисты, евразийцы, державники

В результате распада Советского Союза и обретения независимости перед Россией встала проблема построения нового жизнеспособного государства с развитой экономикой и активной внешней политикой. Преодоление стереотипов имперского государства стало одним из самых больших препятствий на пути формирования новой внешнеполитической идеологии. Свое влияние оказала осуществляемая в стране политическая и экономическая трансформация.

Пришедшие к власти политики пытались применить различные подходы к проведению внешней политики РФ в условиях рухнувшей биполярности. Не удивительно, что у интеллектуальной элиты России возникла необходимость в анализе осуществляемой внешней политики, а вместе с тем и желание переосмыслить роль России в мире. Наибольшую активность, на мой взгляд, проявили такие ученые, как А. Абрамов, А. Зубов, И. Исаев, А. Кара-Мурза, А. Картунов, Э. Поздняков, В. Сергунин, А. Ципко, В. Цымбурский.

Работы этих авторов внесли большой вклад в процесс изучения внешнеполитической мысли России. Тем не менее, тот факт, что вышеперечисленные ученые, а с ними и ряд других являются отечественными политологами, не позволил им с должной критичностью отнестись к проблеме. Их взгляды радикально отличны и бескомпромиссны. На мой взгляд, внешняя политика России за прошедшие годы претерпела много концептуальных изменений, требующих детального рассмотрения и обобщения.

Становление внешнеполитической мысли России в посткоммунистический период, а с ней и новой идеологии можно условно разделить на несколько этапов. Первую группу идеологов можно отнести к так называемым “атлантистам”.

“Атлантисты” или “западники” — небольшая, но влиятельная группа высокопоставленных чиновников и ученых, поддерживавших прозападную ориентацию Москвы. Лидером являлся министр иностранных дел Андрей Козырев. Они настаивали на том, что Россия исторически принадлежит к европейской цивилизации и главную задачу видели в интеграции России в европейские структуры: НАТО, ЕС, МВФ. Больше всего стремились к членству в НАТО — символу трансатлантической безопасности. Выразителями этих идей в первую очередь являлись: Б. Ельцин, вице-президент А. Руцкой, госсекретарь Г. Бурбулис. Яркими “атлантистами” из среды интеллектуальной элиты являются также А. Арбатов, А. Абрамов, А. Кара-Мурза, А. Кортунов. Например, А. Арбатов считал, что угроза от НАТО могла исходить в период биполярности и холодной войны. “С начала 90-х НАТО стал в большей степени символом безопасности, нежели угрозы” [1; с. 222]. По мнению “западников”, России следовало сконцентрироваться на своих внутренних проблемах, а в отношении НАТО выстраивать диалог о разоружении.

Этап деятельности атлантистов начался сразу после распада СССР и продолжался примерно до середины 1993 года. Исходная установка концепции заключается в том, что внешнюю политику следует подчинить интересам рыночного преобразования экономики, максимально быстрого становления демократических институтов и радикальной демилитаризации общества и государства.

По замыслам российских политиков, сменивших в конце 1991 г. в Кремле М. Горбачева, отношения между РФ и США могли и должны были обеспечить максимально благоприятные внешние условия для трансформации России в современное правовое государство с развитой рыночной экономикой, плюралистической демократией и гражданским обществом. Результатом стала разработка в 1992 году “Концепции внешней политики”, в которой отмечалось, что на обозримое будущее отношения с США “будут сохранять на шкале приоритетов внешней политики России одно из приоритетных мест” [2; с. 10]. С российской стороны речь шла даже о создании стратегического союза с Соединенными Штатами на основе принципов равенства, взаимной выгоды и максимального благоприятствования интересам друг друга.

Далее следует теория *евразийства* — очень популярная среди российских интеллектуалов, которые пытались отыскать альтернативные концепции внешней политики. Ими являлись А. Зубов, И. Исаев, В. Цымбурский. Главный постулат — уникальность России, а также то, что в цивилизационных масштабах она никогда не являлась частью Европы. То есть РФ должна найти третий путь между Востоком и Западом, а то и стать мостом между ними.

Первое направление евразийцев представлено *демократами*, второе — *славянофилами*.

По мнению демократов, у России особенная роль в истории. В своем составе она соединяет многие народы и все цивилизации, именно ей сужде-

но стать гарантом процветания и стабильности на постсоветском пространстве. Демократы были уверены, что правительство во внешней политике должно большее внимание уделять не западному направлению, а своему югу — мусульманским народам, — дабы улучшить отношения с Турцией, Ираном, Саудовской Аравией. Также приоритетом следует сделать интеграцию в СНГ и возвращение статуса-кво в отношениях с Восточной Европой [3; с. 59].

В противовес демократической версии евразийства славянофилы нивелировали роль уникального геополитического положения России, отмечая ее существенные различия от Запада и Востока. Предлагали опираться на свои собственные ресурсы. Также были против интеграции России в европейские институты [4; с. 20].

На практике воплощение евразийства началось в середине 1993 года. Под влиянием все более жесткой критики со стороны влиятельных кругов элиты и, возможно, эволюции позиции президента руководство МИДа России частично изменило внешнеполитические установки. Курс на создание “пояса добрососедства” вдоль российских границ сменила стратегия интеграции постсоветского пространства под эгидой России. Эта линия была официально закреплена в документе “Стратегический курс России с государствами-участниками Содружества Независимых Государств”, утвержденном президентом в сентябре 1995-го [5; с. 7].

Практика последующих лет показала, что “проамериканская” и “прозападная” внешняя политика России не оправдала себя в ожидавшейся степени.

Утвержденный в конце апреля 1993 г. Советом Безопасности РФ документ определил систему внешнеполитических приоритетов страны. На первый план были вынесены отношения России со странами СНГ и Балтии. Другим приоритетным направлением внешней политики России, как отмечалось в концепции 1993 г., должны быть отношения со странами Восточной Европы, которые находятся в исторически сложившейся сфере интересов России.

Отдельный раздел концепции был посвящен российско-американским отношениям. Объективной базой для их развития, по мнению авторов концепции, является взаимная заинтересованность в формировании стабильной и безопасной системы международных отношений.

Ярким примером неоимперских установок середины 90-х годов стало создание Евразийского Экономического Сообщества (ЕврАзЭС), объединяющее Белоруссию, Казахстан, Киргизию, Россию и Таджикистан. Также следует упомянуть Договор о коллективной безопасности (ДКБ), в котором участвуют Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан, целью которого стало развитие, углубленное военно-политическое сотрудничество. Перед государствами-участниками Договора стояла важная задача — преобразование ДКБ в международную региональную организацию.

Третий этап наступил в 1996 году, когда главой МИДа стал Евгений Примаков.

Новый министр, судя по его высказываниям, скептически оценивал возможность полноценного сотрудничества с противниками времен холодной войны, рассматривал постсоветское пространство как зону соперничества с Западом и подозревал его в намерении подорвать влияние России в этой зоне ее особых интересов [6; с. 6].

С теоретической точки зрения данную группу можно назвать *державниками или государственниками*. Они настаивали на необходимости более активной защиты жизненно важных интересов России в ближнем зарубежье, будь то вопрос о передаче России советского ядерного оружия, урегулирования пограничных споров или защите диаспоры этнических русских на постсоветском пространстве.

Державники также настаивали на том, что подход с позиции силы остается важным фактором в международных отношениях. Безусловная, автоматическая поддержка политики Соединенных Штатов, которую, по их мнению, практиковали атлантисты, являлась несовместимой со статусом России как великой державы. Российские политики и идеологи в большинстве своем постоянно подчеркивали, что, несмотря на трудное экономическое положение и слабость обычных вооруженных сил, Россия остается и останется великой державой. В пользу этого, считают они, свидетельствуют размеры ее территории, богатые запасы природных ресурсов, высокая квалификация рабочей силы и научно-технический потенциал мирового уровня. Особое значение придавалось ядерному оружию. Не будь его, рассуждают многие публицисты и аналитики, Россия давно бы уже превратилась в третьестепенное государство.

Геополитическое положение страны также рассматривается как фактор ее влияния: находясь между Европой, Китаем и мусульманским миром, в зоне пересечения их интересов, Россия может использовать это обстоятельство для укрепления своего международного влияния и веса.

Для создания системы противовесов Америке была сделана ставка на развитие «особых отношений» с Францией, Германией и особенно с Китаем. Среди приоритетов российской внешней политики заметно возросла роль таких режимов, как иранский и иракский. Важнейшей стратегической задачей внешней и военной политики было провозглашено противодействие расширению НАТО, которая стала рассматриваться как имманентно антироссийское начало в мировой политике. В качестве основы взаимоотношений с новыми, независимыми государствами была избрана, по всей видимости, модель «центр-периферия».

Встает вопрос. Какую сверхзадачу решали Примаков и его интеллектуальные сподвижники, добиваясь ограничения влияния США и западной цивилизации? В начале 1992 года российская элита, вероятно, искренне верила, что отказ от коммунизма будет немедленно вознагражден массовым потоком финансовой помощи извне. Поскольку этого не произошло, разочарование вылилось в недовольство внешней политикой. На примере столь радикального изменения в принципах внешней политики можно констатировать прямое влияние социально-экономической ситуации на нее.

Второе обстоятельство было, возможно, еще важнее. Общественный статус отдельных влиятельных групп элиты, их положение в бюрократической или экономической системе страны были прямо или косвенно связаны с советской внешней политикой, предполагавшей высокий уровень конфронтации в отношениях с Западом. Стратегия Козырева противоречила их интересам.

Концепцию, связываемую с именем Примакова, часто называют “прагматической” или “реалистической”. Исходное положение этой системы доктринальных установок: безопасность России — это прежде всего ее влияние на мировой арене; сокращение же его ведет к ослаблению безопасности. Ставится также знак равенства между безопасностью и сохранением статуса великой державы. Внешние силы обвинены в том, что они подрывают международное влияние России, вытесняют ее из традиционных зон влияния и регионов, где сосредоточены ее интересы. Прочитую отрывок из Концепции национальной безопасности РФ: “Угрозы национальной безопасности Российской Федерации в международной сфере проявляются в попытках других государств противодействовать укреплению России как одного из центров влияния в многополярном мире, помешать реализации национальных интересов и ослабить ее позиции в Европе, на Ближнем Востоке, в Закавказье, Центральной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе” [7; с. 2].

Особое место в российском видении современных международных отношений занимала так называемая концепция многополярности. Суть ее в том, что после окончания холодной войны в мире быстрыми темпами формируются независимые друг от друга центры силы. Основные среди них — интегрирующаяся Европа, Япония, Китай, Россия и США, которых дополняют “центры” более низкого уровня. К последним обычно относят Индию, Бразилию и другие страны, набирающие вес и влияние на международной арене. Москва, говорили авторы этой концепции, должна проводить активную политику, всемерно поддерживая и стимулируя данную тенденцию [8; с. 31].

Эта система взглядов, которую условно можно назвать “концепцией Примакова”, воспроизводит традиционное для России восприятие внешнего мира как средоточия угроз и опасностей. И дело здесь не только в особом менталитете российской элиты, но и в ее стремлении усилить контроль над населением. Геополитическое положение России тоже скорее осложняет внешнеполитические позиции страны, чем укрепляет их. Нестабильный мусульманский мир на юге представляет собой источник опасностей, предотвращение которых требует немалых материальных и интеллектуальных ресурсов. На востоке у российских границ расположены экономически мощная Япония и нарастающий свою мощь Китай, который может превратиться либо в мировую сверхдержаву с неясными пока амбициями, либо в распадающуюся страну, политические институты которой не выдержали форсированной модернизации.

В отдельную графу следует выделить Турцию, с которой Россию связы-

вают экономические партнерские отношения в Черноморском регионе. Тем не менее, идеологическая конфронтация оказывается неизбежной по причине все большего распространения турецкого влияния на мусульманские страны постсоветского пространства. Ведь в культурной сфере эти мусульманские страны оказываются гораздо ближе друг другу. Помимо собственных интересов Турция преследует интересы НАТО в этом регионе, отчего России становится все труднее удерживать под своим влиянием, например, Грузию, Киргизию, Азербайджан, Узбекистан, опираясь лишь на их стратегическую завязку на РФ с советских времен.

Ядерное оружие, которое часто считают важнейшим, если не единственным признаком великой державы, не конвертируется в политическое влияние на международной арене. Ядерный статус России не помог ей предотвратить расширение НАТО, войну против режима Милошевича и его падение, а также другие события, рассматривавшиеся в Москве как крайне нежелательные и опасные. Есть и другая сторона дела. Ядерный фактор в российской политике тесно связан с ориентацией на сохранение стратегической стабильности. Это имеет два негативных следствия. Во-первых, закрепляется ощущение угрозы, исходящей от внешнего мира. Во-вторых, затрудняется формирование новых представлений о стратегической стабильности, соответствующих возникающему миропорядку. Среди них, например, снижение роли ядерного оружия, необходимость действовать совместно против экстремистских режимов, пресечь распространение оружия массового поражения, терроризм, различные формы международной организованной преступности и иные новые или нетрадиционные угрозы.

Касательно XXI столетия следует отметить, что, несмотря на приверженность В. В. Путина демократии, нынешний президент России твердо стоит на защите российского суверенитета и даже, по мнению А. Ципко, пытается подвести под него соответствующую идеологическую базу [9; с. 71].

2001 год означал начало нового этапа во внешней политике России, характеризующегося отказом от остаточного соперничества с США: закрылись военные базы во Вьетнаме и на Кубе, был похоронен Договор о ПРО, почти молча проглочено расширение НАТО, и главное — Россия закрыла глаза на американское военное присутствие в Центральной Азии и на Кавказе. Во время операции в Афганистане Россия продемонстрировала, что она может быть действительно ценным партнером для США. Но с окончанием операции «Неограниченная свобода» Путину вновь пришлось искать формулу для укрепления стратегического партнерства с Америкой. В условиях высоких цен на нефть и надвигающейся угрозы энергетического кризиса фундаментом для российско-американского сотрудничества могла стать совместная энергетическая стратегия. Путин представлял ее следующим образом: США поддерживают вступление России в ВТО, способствуют признанию ее рыночного статуса и привлечению в российскую энергетическую промышленность западных инвестиций и передовых

технологий. В свою очередь Россия способствует стабилизации мирового нефтяного рынка в случае полномасштабного политического кризиса на Ближнем Востоке и становится как бы гарантом нефтяной безопасности Америки [10, с. 23].

Путинский план был безупречен, и если бы вместо Буша в Белом доме сидел Клинтон, то вполне возможно, что его удалось бы реализовать. Очень быстро наметились конфликтные точки, или сферы непонимания между Россией и Америкой: Северная Корея, Иран, Грузия, Чечня (в мягкой форме) и самая главная — Ирак. Следует отметить, что Вашингтон в иракской проблеме сделал все возможное, чтобы подтолкнуть Москву в европейские объятия, и фактически сам обеспечил накануне своего вторжения в Ирак возникновение оси Париж — Берлин — Москва с явной антиамериканской направленностью.

Встреча Буша с Путиным в Братиславе в феврале 2005 года подтвердила привязанность Кремля к оплоту демократии. Видно, что на открытую конфронтацию с США Россия идти не намерена, да и оснований, кроме как разного отношения к “революции роз” в Грузии и “оранжевой” в Украине, нет.

Таким образом, обращаясь к теоретическому аспекту внешнеполитической мысли Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что на данный момент в России происходит синтез идеологием. В лице Путина, на мой взгляд, Россия нашла и современных атлантистов, ратующих за европейский проект, и евразийцев, вмешивающихся в дела ближнего зарубежья, и державников, для которых суверенитет и целостность РФ незыблема. Сегодняшнюю Россию можно назвать *либеральной империей*. Трансформация произошла в сторону института частной собственности, свободного рынка и конкуренции, формирования политического режима — демократии, хоть и управляемой. С другой стороны имеют место: соединение бизнеса и власти во имя экономической экспансии на постсоветском пространстве, авторитарные методы управления, огромная территория, распространение влияния в регионе. Так как России не удастся ни в теории, ни на практике отказаться от осознания себя великой державой, а обществу — от приобретенных демократических ценностей, то роль либеральной империи, хочу подчеркнуть, пока региональной империи — это тот компромисс, который даст возможность России развиваться и произвести модернизацию.

Литература

1. Sergounin A. Russian post-communist foreign policy thinking at the cross-roads: changing paradigms // Journal of international relations and development. — 2000. — Vol. 3, № 3. — P. 217-245.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник. — 1993. — № 1-2. Спецвыпуск. — С. 3-23.
3. Зубов А. Б. Советский Союз из империи в ничто? // Полис. — 1992. — № 1, 2. — С. 56-75.

4. Исаев И. А. Геополитика России-Евразии: возвращение к традиции? // Национальные интересы. — 2003. — № 4. — С. 20-22.
5. Цымбурский В. Национальные интересы России // Вестник Московского университета. Сер. 12, Социально-политические исследования. — 1994. — № 3-4. — С. 7-9.
6. Примаков Е. М. Международные отношения накануне XXI века: Проблемы и перспективы // Международная жизнь. — 1996. — № 10. — С. 3-11.
7. Концепция национальной безопасности Российской Федерации // [http:// asiainfo. narod. ru/news/17_01_2000/konsepsia_vneshney_politiki. htm](http://asiainfo.narod.ru/news/17_01_2000/konsepsia_vneshney_politiki.htm)
8. Поздняков Э. А. Геополитический коллапс и Россия // Внешняя политика и безопасность современной России / Под ред. Картунова А. В. — М.: Винити, 1999. — Т. 1. — С. 20-37.
9. Ципко А. Аргументы в защиту российского суверенитета // МЖ. — 2003. — № 8. — С. 60-82.
10. Абрамов А. В. Нужна ли России общероссийская патриотическая идеология? // Национальные интересы. — 2004. — № 1. — С. 24-26.

Ю. М. Иванова

аспірантка кафедри міжнародних відносин
Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова.
к. 70, Французький бул. 24/26, м. Одеса-58, 65058, Україна,
тел. (80482) 687284, e-mail: cis_asc@paso.net

ЕВОЛЮЦІЯ ЗОВНІШНЬОПОЛІТИЧНОЇ ДУМКИ РФ: КОНЦЕПЦІЇ ТА РЕАЛІЇ

Резюме

Стаття присвячена зовнішній політиці Росії, формуванню її основних концептуальних підвалин в контексті посткомуністичної трансформації. Автор вказує на необхідність більш детального вивчення та узагальнення зовнішньополітичної думки РФ. У статті пропонується класифікація зовнішньополітичних ідей згідно з хронологією.

Ключові слова: зовнішньополітична думка, трансформація, атлантисти, євразійці, державники

J. Ivanova

graduate student of the Department of international relationship,
Odessa National University.

R. 70, Frantsuzskiy bul. 24/26, Odessa-58, 65058, Ukraine,
8(0482)687284, e-mail: cis_asc@paco.net

**THE EVOLUTION OF FOREIGN POLICY THINKING OF RUSSIA:
THEORY AND REALITY**

Summary

The article is dedicated to foreign policy of Russia, forming of its basic conceptual grounds in the context of its post-communistic transformation. The author points at the necessity of more detailed researching and generalization of foreign policy thinking of Russia. There is classification of basic foreign policy ideas in accordance with chronology.

Key words: foreign policy thinking, transformation, atlantists, euroasians, derjavniki